

Апрельские события глазами курсанта

Содержание:

Предисловие.....	3.
1.Бирназаров Ж. Апрельские события глазами курсанта.....	4.
2.Кадырова Ч.А. « Торжественно клянусь, добросовестно исполнять служебный долг!».....	56.

Предисловие

После апрельских событий 2010 года фондом «Центр исследований демократических процессов» и ОБСЕ был объявлен конкурс сочинений среди сотрудников ОВД на тему «7-апреля глазами милиции». Авторы данной книги приняли участие в конкурсе и стали одними из победителей.

Эта книга основана на реальных событиях, в ней авторы описывают апрельскую революцию такой, какой видели ее своими глазами. В связи с обстоятельствами службы они принимали в ней непосредственное участие. Эта книга состоит из двух сочинений, представленных как две части. Первая часть - рассказ курсанта, описавшего то, что он видел и чувствовал на площади. Автор пишет под псевдонимом. Вторая часть - рассказ преподавателя Академии МВД о том, что пережил их коллектив в эти страшные дни. В книге есть документальные фотографии.

При исполнении служебного долга 7-апреля 2010 года погибли курсанты Академии МВД Кыргызской Республики - Куш Никита и Такырбашев Эдиль. В память о них написана эта книга.

Авторы выражают огромную благодарность за поддержку коллективу Центра по защите прав человека «Кылым шамы» в лице директора Абдирасуловой Азизы Папановны, Председателю профсоюза предпринимателей ТРК «Дордой» Долоталиевой Дамире Темирбековне и фонду «Ынтымак» Академии МВД Кыргызской Республики за финансовую помощь при издании книги.

*Посвящается светлой памяти Куш
Никиты и Такырбашева Эдиля,
погибших 7-апреля 2010года при
исполнении служебного долга...*

Часть I.

Начало дня

Апрельский день 7-числа. Придя на построение в 7ч.30 мин., где нас проверили и посчитали, мы отправились на занятия. Все было как обычно, но было одно отличие от предыдущих дней: нам приказали прийти в камуфляжной одежде, вместо повседневной формы-в брюках и фуражках. По расписанию в этот день у нас было четыре пары. Когда закончилась вторая пара, и мы начали заходить в лекционный зал на третью пару, к нам зашел наш командир взвода и приказал построиться в спортгородке. Это насторожило, потому что забрать нас с занятий можно только по приказу начальника Академии. У меня появилось подозрение, что происходит что-то серьезное. Поскольку мы являлись первым сводным отрядом, нашей главной задачей был разгон толпы во время митингов. После того как мы построились в спортгородке, наш начальник курса сказал: «Сейчас все должны позавтракать в курсантской столовой. После завтрака обратно построиться в спортгородке. И все это надо сделать как можно быстрее!»

Позавтракав, мы снова построились в спортгородке. Нас начали делить по ротам. Меня распределили в первую роту. Возле спортгородка остановились два больших автобуса. Начальник курса приказал, чтобы мы заходили в автобус по одному. Идя к автобусу, оглядываясь по сторонам, я заметил, что Академия стала похожа на большой муравейник: офицеры и курсанты бегали с одного места на другое, никто не стоял на месте. Загрузившись в автобус, мы выехали из

Академии. Когда мы выехали за ворота, девушки -курсантки растерянно смотрели на нас, взглядом провожая наш автобус. По дороге я размышлял:«Куда нас везут?» Мы знали об обстановке и событиях, которые произошли в Таласе и Нарыне. Нас могли отправить в эти области, поскольку многие курсанты были из областей. Мы начали шутить на эту тему: «Если вдруг мы поедem в Нарын или в Талас, то наши однокурсники, которые оттуда, в честь нашего приезда зарежут барана, и мы остановимся у них». Однако наши автобусы повернули на улицу Горького и поехали по направлению к улице Алма – Атинской. Мы поняли, что нас везут в другое место. Мы остановились возле здания АвтоВАЗа. Нам приказали, чтобы мы вышли и построились поротно. После того как мы построились, нас посчитали и приказали находиться здесь, пока приедут остальные роты и спецсредства.

Я сидел на траве и ждал приезда остальных. Из-за всей этой суеты я забыл, что мне сегодня надо было выйти на работу в вечернюю смену. После учебы я подрабатываю охранником. Я успокаивал себя тем, что все будет хорошо, люди утихомятятся и нас отпустят по домам, а я успею на работу.

Ожидая остальных, каждый из нас убивал время по – своему: кто-то курил, офицеры и курсанты беседовали между собой. Некоторые разговаривали по телефону, чтобы узнать какую-либо информацию о том, что происходит в городе. В это время пошел мелкий дождь. Позже мы узнаем, что тишина, которая нас окружала, была обманчивой- это было затишье перед страшной бурей. Двадцать минут спустя после нашего приезда, подъехал автобус с остальными ротами и спецсредствами. Мы построились по взводам. Нам начали выдавать спецсредства. В нашу экипировку входили костюм «черепашка» и щиты. Получив свое снаряжение, я заметил, что мне не хватило каски с забралом. Вместо нее мне выдали старую советскую каску. Многим из нас не хватило щитов и касок. Обмундировавшись, мы стали поротно. Оглянувшись, я заметил, что с нами находились примерно тридцать офицеров и курсанты третьего курса. К каждой роте курсантов закрепили офицеров. Нас посчитали, проинструктировали и приказали выдвигаться в сторону улицы Алма - Атинской. Пройдя метров сорок, я

услышал команду :«Стой! Возвратиться в исходное положение!» Не понимая, что произошло, мы вернулись. Нам объявили, что мы выезжаем на другое место. Мы начали заходить в автобусы. Я сел у окна. Когда мы погрузились, автобусы поехали по улице Горького в сторону улицы Советской.

Сидя у окна, я видел, что в городе все спокойно. Люди шли по своим делам. Только в центре были пробки на дорогах, из-за чего движение транспорта было затруднено. Не доезжая до улицы Советской, наш автобус повернул на улицу Правды. Доехав до Вечного огня, мы свернули и поехали в сторону здания Жогорку Кенеша. Мы остановились возле здания МИД и стали выходить. Нас построили и поделили на группы «Щит» и «Томфа»¹. Я попал в группу «Щит», но щита мне не хватило. После распределения, поступила команда «Шагом марш!», и мы строем зашагали к ЖК. Я увидел, что возле здания ЖК стояли люди в щитах и касках, наша рота построилась возле них. В строю, осмотревшись по сторонам, я понял, что эти люди из разных подразделений МВД: ППС, участковые и даже конная гвардия. Старшие подразделений совещались. Посовещавшись, командиры направились к своим подразделениям.

Старший нашего сводного отряда подошел к нам и объявил: «Сейчас мы выдвинемся на площадь Ала – Тоо. Слушайте команды и четко выполняйте их! Самое главное, держитесь друг за друга!»

Я стоял в конце строя, мне было плохо слышно. Мне мешали крики и шум, которые доносились с площади. Было ясно, что там возбужденная толпа людей. Когда командир сводного отряда закончил говорить, мы все двинулись в сторону площади по улице Орозбекова. Пока мы шли, крики все усиливались. Не дойдя до проспекта Чуй метров пятнадцать, я услышал команду «Вперед!». Мы все побежали.

¹«Томфа» - это специальная группа, предназначенная для прикрытия группы «Щит» с тыла и замены ее при необходимости.

Поднявшись по ступенькам у Исторического музея, я увидел людей, которые заполнили площадь. Увидев нас, они начали разбегаться в сторону улицы Киевской и парка Дзержинского. Убегая, они бросали в нас камни. Несколько камней попали в мою каску, но благодаря кожаным ремешкам, которые были внутри каски, я не почувствовал боль. Эти ремешки амортизировали удары камней. Дойдя до здания «Илбирса», мы остановились. Подняв голову, я увидел, что от митингующих нас разделяет расстояние в 50 – 70 метров. Но, даже находясь на таком расстоянии, они бросали в нас камни. На нас посыпался град камней. Рядом с нами стояли сотрудники ППС и участковые. У них не было защитных костюмов «черепашка» как у нас. Они были вооружены щитами, касками и резиновыми дубинками. Возле нас остановилась машина синего цвета. Она спустила сильную струю воды из водометной пушки. Офицеры, не теряя времени, начали

бросать в сторону толпы газовые гранаты. От взрыва гранат дрожала земля. В эту секунду я прижался к своему товарищу, как нас учили на тренировках.

Бесперебойно на нас обрушивались камни. Но мы стояли, не сделав не одного шага назад. Мы плохо слышали команду из-за рева толпы и взрывов гранат. Оглянувшись, я заметил, что от водометной пушки нет никакого толка. Она поливала водой как садовник, который поливает свой сад. Да и газовые гранаты не разогнали собравшихся. Наоборот, нам стало трудно дышать. Газовое облако, которое появилось от взрыва гранат, рассеивалось на мокром асфальте. Да и в придачу водомет лил водой в местах, где падали гранаты. Все наши действия, которые мы предпринимали для разгона людей, были бесполезны.

У нескольких офицеров были карабины, но они стреляли резиновыми пулями. Видя собственными глазами все происходящее, я вспомнил военный фильм, который смотрел по телевизору дома. Но, к сожалению это было реальностью, и со мной.

Мы стояли и держали оборону. Вдруг в нашу сторону поехала грузовая машина. Не доехав до нас метров 20, она остановилась, врезавшись в колонну здания Илбирс. Через несколько секунд после столкновения машины с колонной, толпа, которая находилась по улице Киевской, побежала вниз, разгоняя сотрудников МВД. Масса людей, которая находилась напротив нас в парке Дзержинского, словно получив какой-то прилив энергии, побежала прямо на нас. У меня было впечатление, как будто кто-то дал им команду: «В атаку!» Увидев толпу, которая бежала прямо на нас, некоторые сотрудники ППС и участковые начали убегать. Курсанты стояли. Внезапно на нас снова обрушился град тяжелых камней. Стиснув зубы от боли, я сильнее прижался к своему товарищу, казалось, будто каска помялась от ударов каменного дождя.

Взрыв гранаты

И вдруг меня оглушил какой-то звук, я ничего не видел. Перед глазами у меня был туман. Когда туман начал рассеиваться, я увидел, как мои товарищи начали падать, как игрушечные кости в домино

Те, кто устоял, начали бежать в разные стороны. Я был в шоковом состоянии. Но, увидев, как мои сокурсники побежали прямо на меня как дикий табун, испугавшись, что они меня растопчут, я, резко развернувшись, побежал. Добежав до флагштока, я обернулся и увидел страшную картину...

Толпа неистово избивала, пинала моих товарищей, словно они были им кровными врагами. Эта картина мне напомнила лавину, которая сносит все на своем пути.

Я хотел побежать к ним на помощь, но было уже поздно. Толпа их окружила и начала бить дубинками, кулаками с жестокостью, их становилось все больше и больше. Я стоял несколько секунд в оцепенении, но эти секунды мне показались целой вечностью. Осознав, что не смогу им помочь. Я побежал дальше.

Поверхность, по которой мы бежали, была мокрой и скользкой. Одно неправильное движение и можно было упасть, и это могло оказаться для каждого из нас роковым падением. Снаряжение, которое было на мне, весило примерно килограммов 10, но в этой ситуации я не чувствовал этой массы. Я бежал, будто на мне были шорты и майка. Вот, что делает с человеком страх. Добежав до улицы Фрунзе по улице Орозбекова, я остановился отдышаться и посмотрел назад. Увидел, что не бегут за нами. Я начал искать тех, кто спасся. Обойдя Академию управления при Президенте, я нашел «наших», кому удалось убежать от неконтролируемой толпы. Они стояли и смотрели в сторону площади, ожидая какого-то чуда. Я медленно подошел к ним.

Один офицер подошел ко мне и спросил о моем самочувствии. Я ответил, что все в порядке. Я начал осматриваться и искать своих товарищей. Я нашел некоторых из них и начал расспрашивать. Все отвечали, что с ними все нормально. Но, видя их состояние и внешний вид, я понимал, что это совсем не так. Мы немного передохнули. Тут нам приказали построиться и рассчитаться по порядку. Оглянувшись, я понял, что мои друзья, спасаясь бегством, оказались разбросанными по городу. С моего взвода остались единицы. Многие были

ранены. После того как нас посчитали, нам объявили, что нужно вернуться на площадь для того, чтобы спасти тех, кто остался там. Мы построились в девять колон и направились в сторону площади. Подойдя к парку Панфилова, я услышал команду «Стой!» Мы остановились, нам приказали развернуться и спуститься на улицу Жибек -Жолу. Услышав эту команду, я подумал: «А как же наши ребята, оставшиеся на площади? Мы же не знаем, что с ними?» Но тут же себя успокоил: «Если приказали разворачиваться - значит там все под контролем и раненых видимо уже забрали». Тем более мы знали, что среди митингующих в гражданской одежде ходят наши пятикурсники. Возможно, они позвонили и сказали, что все в порядке? Мы повернули кругом и пошли в к улице Жибек-Жолу. Тут я увидел, что у моего однокурсника штаны были в крови. Но из-за болевого шока он не чувствовал боли, шел чуть хромая. Также я заметил, что наш начальник курса хромает и ему тяжело идти. На всякий случай я начал осматривать себя - вдруг я тоже ранен. Ведь граната взорвалась рядом со мной. Но никаких серьезных повреждений на себе я не нашел, только чуть рука болела в районе локтя. «Это, наверное, от ударов камней»- подумал я. Сняв каску, чтоб было легче дышать, я пошел за остальными.

По дороге мы начали звонить тем, кого с нами не было. У многих аппарат был отключен. Тем, кому мы смогли дозвониться, сказали, чтоб подходили к улице Жибек-Жолу. Дойдя до указанного места, мы повернули направо в сторону Аламединского рынка. Пока мы шли по Жибек-Жолу, наш начальник курса начал останавливать машины, чтобы отправить раненых в больницу. Машины проезжали мимо нас на большой скорости. Никто не хотел, видя нашу форму, останавливаться. Но ему удалось остановить одну машину и уговорить водителя отвезти раненых в больницу. Начальник курса позвал к себе тяжелораненых. Некоторые из них отказывались уезжать, говоря: «Ребята я с вами буду до конца и никуда не поеду!» Нам все-таки удалось их уговорить ехать в больницу. Мы помогли посадить их в машину. После того как мы отправили раненых, мы продолжили свой путь. Идя по дороге, я думал о тех, кто остался на площади. Мне в голову приходили разные мысли. Но я успокаивал и говорил себе: «С ними все в порядке». Дойдя до перекрестка улиц Орозбекова и Жибек-Жолу, мы остановились. Мы нашли еще несколько раненых. Начальник курса, не теряя времени, вышел на проезжую часть улицы Жибек-Жолу и начал останавливать машины. Но водители машин снова, видя его, объезжали. Одна машина, которая ехала на большой скорости остановилась в нескольких сантиметрах от него. Водитель машины тут же дал задний ход и уехал. Нам удалось все - таки найти

машину и уговорить водителя отвезти в больницу ребят. Я не мог понять тех людей, которые равнодушно отнеслись к нашей ситуации. На просьбу помочь нам подвезти раненых в больницу, они отрицательно мотали головой и уезжали.

Когда мы стояли у дороги, к нам подошли курсанты с третьего курса. Спрашивали о моих однокурсниках, которые остались на площади под толпой. Наш разговор прервал командный голос «Строиться!». Это заместитель начальника третьего курса строил своих подопечных. Я отошел и смотрел, как строится третий курс. Их тоже, как и нас, осталось мало. И среди них были раненые. Их ранения были незначительными, потому что они стояли возле Исторического музея, когда мы стояли на площади.

Мы стояли на перекрестке улиц Орозбекова и Жибек-Жолу. Нам сказали, чтобы мы находились здесь и ждали остальных. У нас было время отдохнуть и собраться с силами. Осмотревшись по сторонам, я увидел маленькую горку песка, которая предназначалась для стройки. Я нашел маленькую доску, положил ее на песок и сел. Сидя, я смотрел по сторонам, курсанты скупали с магазина все, что можно есть, пить и курить. Некоторые разговаривали между собой, делясь впечатлениями о происшедшем. Кто-то пытался дозвониться до родных, но все было безуспешно из-за сбоя сети. Видя их попытки дозвониться, я вспомнил про свой телефон, который лежал во внутреннем кармане. У меня на счету оказалось всего десять центов. Я не мог никому даже «маякнуть». Перебирая номера на своем телефоне, я увидел номер своей одноклассницы, у которой сегодня день рождения. Она меня пригласила. Поскольку у нее был Мегаком, я отправил ей запрос (202). Я вспомнил про своего друга, который работает в центре города, чтобы узнать где он, я отправил ему тоже запрос (202). Через пять минут мой телефон зазвенел. На дисплее я увидел номер своей одноклассницы. Нажав кнопку o' key я услышал ее голос.

-Привет. Как дела? Ты когда приедешь?

-Я не могу приехать, у меня обстоятельства не позволяют. При встрече я все объясню. Ты сама, где сейчас?

-Я дома. Может все -таки расскажешь, что случилось.

-При встрече, а пока сиди дома и никуда не выходи. В городе сейчас неспокойно. И включи телевизор.

-А зачем?- она спросила с удивлением.

-Включи, скоро узнаешь. Ладно, сейчас не могу долго говорить, пока.

Я положил телефон в карман. Мне не хотелось рассказывать ей, что со мной случилось, чтобы не испортить ей праздничное настроение.

Рядом со мной стояли однокурсники и курили. У одного из них, который стоял ближе ко мне, я попросил сигарету. Достав с кармана пачку сигарет, он протянул ее мне. Я взял одну и закурил. Пуская дым, я начал думать о своих родных. Хотя они живут далеко от центра города, я боялся, что кто-то из них окажется на площади. И вдруг у меня в кармане завибрировал телефон. Я поднял трубку. Связь была плохой. Я с трудом мог расслышать слова и быстро спросил.

-Привет, Бакыт. Ты где?

-Я на работе, собирался уходить. А где ты сам?

-Это не важно, слушай меня внимательно. Выйдя с работы, иди прямо домой. На площади сейчас опасно. И коллегам передай, чтобы держались подальше от центра города.

-Да что все-таки случилось? – недоумевал мой друг.

-Революция, друг мой. Так что езжай прямо домой.

Связь оборвалась. Поговорив со своим другом, мне стало легче. Но меня беспокоила судьба моих родных. Я не мог ни позвонить, ни «маякнуть» им. Как только я направился в магазин загрузить единицы, меня остановил мой друг с моего взвода и сказал: «Нам приказали идти дальше». Я подумал, что по дороге найду какой-нибудь киоск, где загружу себе единицы. Мы начали подниматься вверх по улице Орозбекова. Шагая, я снова начал задавать себе вопрос: «Куда мы идем?» Я задал этот же вопрос своим однокурсникам и офицерам. Но никто не знал точный ответ. По дороге я увидел киоск и побежал к нему, чтобы загрузить единицы. Там ответили, что из-за сбоя сети это невозможно. Поняв, что загрузка

единиц бесполезная затея, я пошел дальше. По дороге к нам подошел русский мужчина лет сорока и начал раздавать нам напитки и сигареты. Я взял одну пачку и поблагодарил его. Все-таки среди людей есть те, кто с пониманием относится к чьим-то проблемам. Жаль, что таких людей в наше время очень мало. В другом месте и в другой ситуации увидев внешний вид, грязные штаны, помятую клетчатую рубашку, усталое небритое лицо этого человека- у меня появилось бы чувство сострадания или даже отвращения к этому человеку. Но сейчас, он единственный, кто отнесся к нам с пониманием и по-человечески. Я готов был пожать ему руку двумя руками и почтительно поклониться. Жизнь интересная штука и заставляет удивляться: этот человек, который сам нуждается в помощи, помогает другим, причем безвозмездно.

Когда мы дошли до улицы Фрунзе, мы повернули направо. Я понял, что мы идем к тому месту, где были час назад. Мы ходили по кругу. Хотя мы прошли не так уж много, мне казалось, что мы идем целый день. И, наконец, я услышал: «Стой, разойтись на месте!» После этой команды я начал искать место, чтобы сесть и отдохнуть. Тут ко мне подошел мой одноклассник и спросил: « У тебя есть сигареты? Сильно курить хочется». Я протянул ему сигарету. Мы пошли к четырехэтажным домам, которые находились рядом. Найдя укромное место возле подъезда, мы закурили. Медленно затягиваясь, мы говорили о происшедших с нами событиях и о том, что будет дальше. Чтобы поднять его дух, я сказал: «После того, что мы видели и пережили, нам уже нечего бояться. Все самое страшное позади». Как же я ошибался! Когда мы докурили сигарету, он начал ощупывать ногу.

– У меня болит нога. Из-за болевого шока я не чувствовал ее, но с каждой минутой боль усиливается.

Я посмотрел на его ногу. Крови на одежде не было. Наверно, в его ногу попал камень. Я предложил ему показаться врачу. Секунду помолчав, он махнул рукой.

– Да ничего страшного, я лучше потерплю. Ходить то я могу. А это самое главное!

Потушив сигарету, мы вернулись к своим. Пока мы шли, я услышал выстрелы и взрывы со стороны Белого дома. Подняв голову, я увидел, как клубы черного дыма поднимаются со стороны Белого дома.

Я предположил, что Белый дом захватили. Спустя некоторое время я узнаю, что мое предположение было ошибочным. Когда мы подошли к нашим местам, к нам приехали грузовые машины и муниципальные автобусы. Внутри автобусов сидели курсанты и офицеры.

В Белом доме

Мы шли медленно, оглядываясь по сторонам. Дойдя до парка Панфилова, мы пошли осторожнее, но парк был пуст. Это меня насторожило. Ведь на нас могли напасть в любой момент. Когда нам осталось пять метров до северных ворот Белого дома, они открылись. Мы зашли внутрь. Я увидел знакомых офицеров с Академии. Позже я узнал, что в тот день с Академии забрали всех мужчин-офицеров в Белый дом.

Во дворе Белого дома, нам приказали находиться тут и никуда не отлучаться. Я понял, что мы здесь надолго. Мы расположились на заднем дворе Белого дома. Найдя удобное место для адаптации к новому месту дислокации, я решил покурить. Взяв сигарету, я закурил. Пуская дым, я размышлял, что с нами будет, как мои друзья, которые остались на площади, и где они сейчас.

До меня доносились крики людей, они что-то требовали. Я прекрасно понимал, что они не уйдут, пока не захватят Белый дом. Но не это меня беспокоило. Я задавался вопросом, какие будут наши действия в этой ситуации. Сдадим ли мы Белый дом без боя или будем стоять до конца. И с каждой минутой

мне не верилось, что все это происходит со мной. Я снова мечтал, чтобы все, что происходит, было лишь кошмарным сном, от которого меня разбудит будильник.

Сидя на бордюре, я видел, как офицеры обсуждают политическую ситуацию в стране. Курсанты тоже дискутировали на эту тему. У многих на лице я видел беспокойство и страх. Это можно понять. Ведь нам есть что терять. И ради кого? Ради той власти, которая нами прикрылась? Ради тех, которые думают только о себе и о своей шкуре?!

Да, конечно, мы могли сейчас снять форму и выйти к народу со словами «Биз эл менен». Но этот поступок будет предательством Присяги с нашей стороны.

Вспомним Чингиз хана. Когда он выигрывал битву, ему приводили поверженного хана его же телохранители. Он жестоко убивал этих предателей. Когда они спрашивали его: «Почему ты убиваешь нас, ведь мы привели твоего врага?» Он грозно отвечал: «Если вы сегодня предали своего хозяина, то завтра можете предать и меня!» Мы аполитичный орган и должны исполнять приказы, а не обсуждать. Должны, руководствуясь законом, охранять представителей власти, потому что их избрал сам народ, государственные объекты, мирных граждан. Все перечисленное мы клянемся охранять и беречь, давая Присягу. Клятва, данная Присягой-вот наш хозяин, которого мы не должны предавать. Верность слову, долгу- за это уважали издревле, за это ценил и Чингиз хан, это должно быть актуально и сейчас.

Сидя на бордюре, я захотел узнать, что происходит на площади. Я встал и пошел туда, откуда доносились крики. Поднявшись по склону к Белому дому, я последовал к главному входу. Я заметил людей, стоявших возле входа с правой стороны Белого дома. Многие из них были экипированы как мы. Некоторые держали оружие. Но на это я не обратил внимание. Меня больше интересовало, что происходит там за воротами Белого дома. Я остановился возле лестницы. Толпа кричала и требовала, чтобы Бакиев или его представители вышли к ним. Среди них были люди с дубинками, щитами, касками и с защитным костюмом

«черепашка». Мне это было больно видеть. Они сняли все это снаряжение с моих друзей, которые остались на площади. Я смотрел на происходящее и думал, как человек находясь в толпе, становится другим.

Как сильно «принцип толпы» влияет на человеческую психологию. Если человек в повседневной жизни спокойный и уравновешенный, то находясь в толпе, он способен на такие действия, на которые в одиночку в обычной ситуации не решился бы. Возможно, что он сам не осознает, что некоторые действия могут привести к серьезным последствиям. Конечно, есть много факторов такого поведения. Одним из этих факторов является цепная реакция, то есть один человек кричит и все повторяют за ним, или он бросает камень и все автоматически копируют его движение. Другой фактор это безнаказанность. Есть хорошая поговорка: «Беззаконие порождает уверенность». Находясь в толпе, человек знает, что за совершенное деяние он не понесет ответственности.

Стоя возле Белого дома, и видя своими глазами весь этот хаос, который происходит в центре города,

я встретился взглядом со знакомым офицером с Академии. Я подошел к нему.

-Здравия желаю, товарищ полковник! Как Вы?- сказал я и протянул ему руку.

-Здравствуй, как ты? Цел и невредим?- устало спросил он.

Я тяжело вздохнул.

-Мне повезло, а моим друзьям нет. Я до сих пор не знаю, где они и что с ними.

Он сделал шаг ко мне и чуть опустил голову.

-А что все-таки произошло, там на площади? Мы приехали сюда час назад, и никто не может рассказать, что произошло. Я поднял голову и посмотрел на то место, где мы стояли, когда взорвалась граната. Секунду помолчав, я собравшись с мыслями рассказал, что с нами произошло. Закончив свой рассказ, я смотрел на людей на площади, их количество увеличивалось. Мы молчали. Он положил свою руку на мое плечо.

- Все будет хорошо. Кстати, у тебя есть сигареты?

-Да есть, только у меня «Полет». Будете?

-Да буду, сейчас не то время, чтобы привередничать.

Я достал с кармана сигареты, и мы вместе закурили. Курили молча и смотрели на площадь. Толпа становилась все агрессивнее. Видя все происходящее вокруг, мне стало не по себе. Я посмотрел на полковника. Он спокойно стоял и курил. В его глазах не было страха. Он стоял непринужденно, как будто ничего не происходило. Я удивился его равнодушию к происходящему. Тут я вспомнил про книги, которые он мне давал почитать. Эти книги были про войну. В одной из этих книг автор писал: « При военных действиях, когда стреляют и взрываются гранаты, и есть угроза жизни, надо сохранять хладнокровие. И ни в коем случае нельзя паниковать. Тогда шанс выжить увеличивается».

Я потушил сигарету. И понял, что мне надо успокоиться и сосредоточиться на происходящем. И самое главное, нельзя пускаться в панику.

-Не знал, что мне пригодятся знания из книг, которые Вы мне давали.

Он с удивлением посмотрел на меня.

-Какие книги?

-Помните, Вы давали книги про Вторую мировую войну?

-А-а, эти книги. Я рад, что ты их прочитал и сделал для себя выводы.

И вдруг наш разговор прервал женский крик. Я увидел, как через ворота вошла женщина вся в крови и в слезах. В руках у нее была ткань белого цвета. На одежде были пятна крови. Приглядевшись, я понял, что это была не ее кровь. Она кричала: «Хватит жертв, убийств! Мы хотим переговоров!» Она медленно шла к дверям Белого дома. За ней шел Темир Сариев в черном костюме. Он шел молча. Эта женщина прошла возле меня. Она была в истерике, плакала и кричала. Ее пропустили. Она вошла с Сариевым в Белый дом. Толпа чуть успокоилась. Они ждали тех, кто пришел на переговоры. Где-то минут через 15-20 вышел Сариев. Спустившись по лестнице, он остановился и сказал: «Мы договорились, что с обеих сторон не будут стрелять». Сказав это, он направился к воротам. Люди за воротами подбежали к нему и окружили его. Они подняли его на руки и понесли.

Я хотел поверить словам Сариева. У меня даже появилась радостная мысль, что этот кошмар закончится, и мы все пойдем по домам. Но какой-то внутренний голос мне подсказывал, что все еще не закончено и больше того-это только начало.

После того, как Сариев пропал с моего поля зрения, я вернулся к своим сокурсникам. Спустившись вниз, я сел на то место, где сидел несколько минут назад. Мне захотелось курить. Я достал с кармана сигарету, закурил и вспомнил из психологии: «Человека, который испытывает сильное душевное волнение можно успокоить и привести в чувство несколькими способами: приятной музыкой, отвлекающим разговором либо пагубными для здоровья средствами: спиртными напитками или сигаретами. Из этих перечисленных способов на тот момент у меня под рукой была только пачка сигарет. И мне приходилось курить, чтоб не поддаваться панике. Ко мне подошел мой знакомый с другого взвода и попросил сигарету. Сидя на бордюре, мы молча курили. Начало темнеть. Однокурсник задал

мне, уже надоевший за день, вопрос: «Что с нами будет?» Секунду помолчав, я сказал, стараясь сам в это верить.

- Если мы остались живы там, на площади, то мы выживем и сейчас.

Он улыбнулся. Докурив сигарету, я посмотрел на небо. В этот момент я слышал выстрелы, крики, которые доносились с площади. С каждой минутой крики и выстрелы усиливались. Я встал, и собирался идти туда, откуда слышал выстрелы. Но почувствовал, как вибрирует мой телефон в кармане. Достав его, на дисплее я увидел номер знакомой девушки Динары. Я взял трубку и слышал взволнованный голос.

-Привет, как дела? А ты знаешь, что в городе неспокойно? Кстати ты где?

-Я как раз в центре этих неспокойных событий.

-Что ты имеешь в виду? – ее голос взволновался еще сильнее.

-Я сейчас нахожусь в Белом доме.

Она начала кричать.

-Что ты там делаешь, там же стреляют.

-Я знаю.

-Нет, ты шутишь!

Я поднял телефон повыше, чтобы она слышала выстрелы, потом спросил.

-Ты что молчишь?

-Я боюсь.

-Тебе-то чего бояться? Ты, наверное, дома.

-Я боюсь за тебя.

Мне было приятно слышать эти слова.

-Не бойся, все будет хорошо. Если что-то случится, ты придешь меня навестить в больницу? Я старался пошутить, однако это получилось глупо.

Она вскрикнула.

-Ты что – дурак?! Как ты можешь говорить такую ерунду, особенно в такой ситуации.

Я рассмеялся.

-Думай о плохом, тогда произойдет хорошее. Закон подлости. Ты же сама это прекрасно знаешь.

Она начала смеяться.

-Ну хорошо, если тебе от этого станет приятнее, то я приду.

-Будешь кормить своими руками.

Она еще больше рассмеялась.

-Да, буду.

-Ну все, я теперь могу спокойно ложиться в больницу, зная, что ты меня будешь кормить со своих рук! Устало улыбаясь, заключил я.

Ее смех прекратился и уже серьезным тоном она сказала:

-Ты что совсем ?! Как ты можешь такое говорить!

Я понял, что шутка снова не удалась.

-Не волнуйся, просто я так шучу. Мне же надо думать о чем-то приятном в такой момент.

Она успокоилась.

-Ну ладно, будь осторожен. Я тебе еще позвоню, пока.

Я положил телефон в карман. Через секунду я услышал команду строиться. Нас проверили и объявили, чтобы мы выстроились в две колонны и проследовали к главному входу Белого Дома. Мы шли медленно. Нам не хотелось идти туда. Я понял, что мы будем оцеплять центральную часть Белого дома. На открытом месте, у всех на виду мы будем находиться в зоне риска. Наша жизнь опять будет подвергаться опасности. Но был приказ, и мы должны его выполнять: нравиться это нам или нет. Когда мы подошли к главному входу Белого дома, мы выстроились в две шеренги, лицом к проспекту Чуй. Нам хорошо было видно что происходило на площади. Я видел, как горят машины, которые пытались прорваться к Белому дому. Проехав несколько метров, через ворота Белого дома, они были обстреляны и теперь горели. Люди на площади бушевали и кричали. С нашей стороны в них бросали газовые гранаты. С противоположной стороны выбегали смельчаки, которые хватали эти гранаты и бросали обратно к нам. У нас

начали слезиться глаза, стало трудно дышать. Также появилось раздражение кожи на лице. Но мы стояли прямо, не показывая как нам тяжело. Простояв где-то минут десять, мы увидели, что со стороны площади едет КАМаз, набирая скорость. КАМаз развернулся и направился прямо на ворота Белого дома. Сразу же последовали выстрелы в сторону КАМаза. И, когда ему оставалось где-то три метра до ворот, он резко развернулся и уехал. Воцарилась тишина. Но через несколько минут толпа опять начала кричать. Мы стояли и смотрели, как люди пытаются прорваться. Вдруг я почувствовал, как вибрирует мой телефон. Достав его с кармана, я ответил.

-Да.

-Ты где сейчас?

Это была моя тетя. Она прекрасно знала, что в связи с тем, что я курсант Академии МВД, я могу оказаться в центре политических событий.

-Я возле Белого дома.

Она взволнованно начала кричать на меня.

-Ты что сумасшедший? Тебе жить надоело?! Беги оттуда! Снимай форму и беги! Сдался тебе этот Бакиев! Бросай все и беги!

Я молчал и ждал, пока она выскажется и успокоится. После того, как она расплакалась, я опустил голову и шепотом сказал.

-Да, конечно, я уйду отсюда, но чуть позже, когда стемнеет.

Она успокоилась.

-Может за тобой приехать?

-Нет, не надо, я не могу подвергать Вас опасностям. Я как-нибудь сам.

-Ну, хорошо, когда приедешь домой позвони.

- Хорошо я так и сделаю.

Я положил телефон в карман. Ее требования «бросить, бежать оттуда» были заманчивыми. Но я не мог убежать, хотя хотел этого больше всего на свете. Я пообещал ей, что уйду оттуда, чтобы успокоить ее. Я знал, что правда могла навредить ее сердцу.

Как же я мог объяснить моим родным, что я, как и многие другие, находящиеся рядом со мной, давали Присягу. Как же я мог объяснить, что я не мог бросить таких же курсантов как я, друзей, потому что уйти сейчас означало дезертирство, предательство товарищей. Мы стояли не ради Бакиева, Усенова или еще за кого-то. Они даже не подозревают о нашем существовании. Мы солдаты и подчиняемся приказу. Мы сидели и мерзли голодные, растерянные, грязные, потому что в Академии нас учили: «Один за всех, все за одного!» И как же я посмотрю товарищам в глаза завтра, если сейчас убегу?!»

Мы так же стояли перед главным входом Белого дома, прошло где-то больше часа, как мы здесь стоим. Вдруг мы увидели БТР. Он остановился возле последней колонны здания Илбирс.

Было ясно, что митингующие начали свое наступление для захвата Белого дома. Мы стали шептаться, что эта машина прорвет нашу оборону. А это приведет к

полному коллапсу наших сил. К своему удивлению, я услышал команду: «Направо шагом марш!» Как же я обрадовался этой команде! Она была единственной на тот момент, которая мне понравилась. Выстроившись в одну колонну, мы с левой стороны Белого дома направились на ее заднюю часть. Стало темно, я практически ничего не видел. Мы стояли возле деревьев. Мы слышали выстрелы и взрывы. Наш командир сказал, чтобы мы все сгруппировались. Мы все собрались в одну кучу. Прозвучала команда сесть, мы все сели. Я сел на щит, который лежал рядом. Подняв голову, я увидел как с крыши Белого дома, в такой же экипировке как у нас, стреляли и отходили назад. Оглянувшись по сторонам, я увидел панику. Люди метались с одного места на другое. К нам подходили наши офицеры и говорили знакомые слова: «Если что-то случится, будьте вместе. Держитесь друг за друга». Один офицер, проходя мимо нас и жестикулируя, сказал: «Академия вместе! Вместе пришли - вместе уйдем!» Он повторял эти слова курсантам, проходя каждые три метра. В этот момент я задумался: «Что будет, если людская лавина войдет в Белый дом? Она нас сметет, сметет с земли, как растоптала несколько часов назад на площади». Эти мысли начали меня пугать. Стрельба все усиливалась. Курсанты сидели, некоторые офицеры сели рядом с нами. Я видел, как многие спрятались за машины и деревья. Сидя на щите, я не хотел верить в то, что к нам приближается наш конец. Мне снова захотелось курить. Вдруг это моя последняя сигарета? Я достал с кармана сигарету и собирался подкурить, как почувствовал на плече чью-то руку. Обернувшись, я увидел офицера с Академии. Он спросил: «Есть ли у меня еще сигареты?» В ответ я кивнул головой. Взяв еще одну сигарету, я протянул ему. Мы глубоко затянулись и с наслаждением выдохнули, словно делаем это в последний раз. Через дым я видел, как люди бегали в панике и со страхом в глазах разговаривали по телефону. Странно, но в этот момент я спокойно сидел без единой мысли в голове, как вкопанный, и смотрел, что происходит вокруг меня. Через минут сорок стрельба прекратилась. Может кому-то покажется необычным, но когда человек оказывается перед лицом смерти, он начинает глубоко размышлять о своей жизни. Начинает задавать себе

вопросы: “Что я успел сделать в своей жизни? Чего достиг?” Один из самых важных вопросов: “Будут ли помнить меня после моей кончины?” Также было и со мной. Задавая эти вопросы, я не смог себе ответить. Достав телефон, я начал перебирать номера. Как вдруг мой телефон отключился- сели батарейки.

В этот момент я действительно испугался. Ведь родные будут мне звонить. Обнаружив, что я недоступен или отключен, они подумают, что со мной что-то случилось. Я начал искать телефон, чтобы «маякнуть» или вставить свою SIM-карту. Я подошел к своему другу, с которым учился в одном взводе.

-Эсен, есть ли у тебя зарядка на телефоне?

-Да есть.

-Не мог бы дать свой телефон, а то у меня батарейка села.

-Хорошо, возьми.

Взяв телефон его, я вставил свою «симку». Через секунду я получил сообщение о непринятых звонках. Среди них был номер моей мамы. Я представил, как она сейчас волнуется. Я разговаривал с ней пару часов назад по телефону. Но наш разговор был короткий из-за плохой связи. Я успел сказать, что со мной все в порядке и скоро нас отпустят домой. Я начал набирать ее номер, как вдруг на дисплее телефона увидел ее номер.

-Как ты сынок, с тобой все в порядке? Почему у тебя отключен телефон?

В ее голосе чувствовалось беспокойство.

-Со мной все в порядке. Mam, у меня просто кончилась зарядка.

Она успокоилась.

-Когда вас отпустят? По телевизору показывают, что происходит на площади. Все родственники спрашивают, где ты, все ли с тобой в порядке.

-Со мной все хорошо. Я не знаю, когда нас отпустят. Mam, лучше не звоните мне, когда будет удобный момент, я сам Вам позвоню, но с другого телефона. Я не могу в данный момент подзарядить свой телефон.

-Хорошо, будь осторожен. Если получится, беги оттуда. Зачем тебе такая учеба, где ты подвергаешься опасностям!

Зная ее характер, я не стал с ней спорить.

-Да, конечно, если получится я убегу. Ладно, мам, это не мой телефон, а моего друга, ему тоже нужна связь. И скажите родственникам, чтобы не звонили мне.

Вернув телефон хозяину, и поблагодарив его, я поднял голову и стал смотреть на звезды. В эту ночь они мне казались по-особому яркими. Оглянувшись по сторонам, я заметил шевеления возле деревьев. Подойдя поближе, я увидел как люди снимают форму и переодеваются в гражданку. Ко мне подошел мой однокурсник, в руке у него была одежда. Он бросил ее на землю.

-Что стоишь, бери, давай. Надо валить отсюда!

Меня насторожили его слова.

-Разве была такая команда? Чтобы мы переодевались?

Он перебирал одежду.

-Да была, видишь, все переодеваются.

К нам подошли взять себе одежду остальные. Действительно, видимо была такая команда. Я взял себе джинсы. Снял с себя каску, защитный костюм «черепашка». Одевая джинсы, я увидел, что количество переодевающихся увеличивается. Также я увидел, как через заборы Белого дома перепрыгивают. Я не мог разглядеть лицо, было темно. Но по силуэту я понял, что человек крупный. А забор-то трехметровый! Поразило то, на какие подвиги способен человек, чтобы спасти свою жизнь. В эту секунду я услышал команду: «Строиться!» Сложив костюм «черепашка», я взял его на руки и пошел к месту построения. На построении я заметил, что нас осталось очень мало. Наш командир посмотрел на нас суровым взглядом и громко крикнул нам: «Позор! Убегают с поля боя! Вы же носите форму, погоны! Если вы так поступаете, как вы можете считать себя офицерами?! Кто хочет уходить, уходите, вас никто не держит! Но если вам знакомы слова «честь мундира» и для вас это не пустой звук, то вы останетесь до конца!»

Все смотрели друг на друга. Я понял, что меня обманули. Да я сам дурак, что с легкостью поверил. И человека, который меня обманул, уже не было, он

исчез. Мы разошлись. Я обратно одел защитный костюм «черепашка». Переодевшись, сел на бордюр. Я слышал звуки, которые доносились со стороны деревьев. Было ясно, что слова командира не повлияли на желание некоторых убежать. Я думал, если я убегу сейчас, то как я буду смотреть в глаза тем, кто остался до конца, как я буду смотреть на себя в зеркало, зная, что я бросил своих друзей в трудную минуту. Я бы себе этого не простил. Правильно в народе говорят, что друзья познаются в беде.

Сидя на бордюре, я увидел, как наш начальник Академии разговаривал со своими заместителями и еще какими-то людьми, которых я не знал. Мне было интересно послушать: «О чем они разговаривают?» Ведь от их решения зависела наша жизнь. Рядом со мной сел мой однокурсник. Он, тяжело вздыхая, смотрел на ночной небосвод. Я понял, что он, как и я, больше всего на свете хочет оказаться дома. Но его совесть, как и моя, не позволяла ему убежать.

Во время Второй мировой войны за такие поступки расстреливали. Эти люди считались врагами народа. Ослушаться приказа или убежать с поля боя было равносильно предательству.

Да и тех, кто убежал, нельзя осуждать. Ими двигал инстинкт самосохранения. По большому счету рисковать жизнью за безответственность отдельных людей и тем более их защищать было глупостью. Я не осуждал тех, кто убежал. Ведь у них есть семьи, дети- то ради чего хочется жить.

Снова слышались звуки выстрелов. Но уже не так часто, как это было некоторое время назад. Я уже привык к звукам стрельбы. Для меня это стало нормой. Видя собственными глазами хаос, войну и смерть, ты понимаешь, что больше всего хочется жить в мире и спокойствии.

Некоторое время спустя нам- курсантам четвертого курса сказали построиться с левой стороны Белого дома. Мы построились повзводно. Я увидел, что с взвода, где вначале было тридцать человек, которые ехали со мной в автобусе, осталось восемь. Меня удивило не количество оставшихся, а те курсанты, которые остались здесь. Я не ожидал от некоторых такого смелого

поступка. Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Нам сказали, чтобы мы находились на этом месте. Когда прозвучала команда «Разойтись», я начал искать место, чтобы сесть. Я сел на лестнице возле входа в Белый дом. Рядом со мной сидел курсант БВУ, чтобы как-то убить время, мы с ним разговаривали. Но наш разговор прервал звук мотора грузовой машины, которая задним ходом хотела на таран сломать ворота Белого дома. Сидевший рядом курсант БВУ встал и побежал в сторону ворот. За ним побежали еще несколько людей с автоматами. Впритык подойдя к воротам, они начали стрелять в воздух. Грузовая машина остановилась и уехала вверх по улице.

Курсанты сидели на траве, на бордюрах и на лестнице. Положив щит на траву, я лег на него и пытался заснуть. На стрельбу я уже не обращал никакого внимания, я к ней привык. Лежа на спине, я смотрел на звезды. Мерцание звезд отвлекало меня от всего происходящего вокруг. Закрыв глаза, я заснул. Пospав некоторое время, я проснулся от холода, я замерз. Я встал и начал ходить, массируя руки и ноги, чтобы хоть немного согреться. Немного согревшись, я увидел, как курсанты и офицеры столпились в одну кучу. Они смотрели на проспект Чуй. Подойдя поближе к ним, я заметил, что они смотрят на мародеров, которые грабили магазины. Разбивая окна, они заходили внутрь и брали все, что могли унести. Я спросил время, мне сказали, что уже двенадцать часов ночи. Кто-то грустно пошутил, что наступил звездный час мародерства. Меня поражала наглость и самоуверенность мародеров. Ведь сколько труда, сил и денег вложено в магазины, которые они грабят! Предприниматели, возможно, влезли в кредит, долги, чтобы заработать себе на хлеб, а может, этот магазин был единственным источником их дохода. Получалось так, что мародеры воровали чужой хлеб. Мародеры не знают или не хотят знать, сколько денег и сил потребуется, чтобы восстановить все это после их погрома. Вот, что порождает безнаказанность! Такая же ситуация была и 24- марта 2005 года. Как же люди не могут понять, что революция это свержение власти, правлением которого народ недоволен. Главная

цель революции - это изменить жизнь в стране в лучшую сторону, а не создавать благоприятные условия для погромов и мародерства.

Мы смотрели через решетки ворот на убегающих с пакетами мародеров. Мой друг гневно выругался и сказал, что мародеры не люди! Они шакалы, которые ждут момента, когда жертва ослабнет и не сможет защищаться, чтобы потом насытиться добычей. В нашем случае, эти нелюди ждали, пока стемнеет, и их не волновали политические мотивы революции.

Мне было жалко тех предпринимателей, которые придут утром к своим магазинам и увидят их разграбленными. Их вина была лишь в том, что их частный бизнес был в центре города. Устав смотреть на весь этот хаос, я пошел искать себе место, где мог отвлечься от происходящего. Я сел, размышляя над тем, что всего этого могло и не быть: стрельбы, взрывов, убийств. Если бы “избранные” народом лидеры выполняли свои обещания, то могло и не быть второй трагедии. Погрузившись в свои мысли, я не заметил, как ко мне подошел мой однокурсник и сел рядом. Он смотрел куда - то в даль.

-А как ты думаешь, что с нами будет? -шепотом спросил он меня. Этот вопрос уже миллион раз за этот день пульсировал в голове, и столько же раз я отвечал себе и другим монотонно.

-Не знаю, но известно одно-наша жизнь сейчас в руках Бога. И только одному ему известно, что с нами будет.

Он достал из кармана сигарету и закурил.

Были еще попытки прорваться на машинах в Белый дом, но они были безуспешны. Услышав выстрелы с нашей стороны, машины скрывались в неизвестном направлении.

Сидя на бордюре, я увидел, как наш начальник Академии вышел через КПП. Он был в гражданской одежде, но я узнал его по походке. Спустя несколько минут я услышал команду: «Строиться!» Мы построились в четыре колонны возле КПП, который находился рядом с парком Панфилова. Построив, нас опять пересчитали. После проверки к нам подошел наш командир и сделал объявление:

« Сейчас мы отдаем Белый дом и выдвигаемся в сторону корпуса Национальной гвардии». Меня беспокоила такая команда. Ведь мы будем идти по центральным улицам города, где мы можем встретиться с толпой. Поскольку у них есть оружие и, увидев нас в форме, они могут открыть огонь.

Мы стояли и ждали команду. К нам подошел другой офицер и сказал: «Команда поменялась, мы сейчас пойдем через парк Панфилова в сторону улицы Жибек-Жолу. По ней мы должны дойти до Старого автовокзала. Оттуда нас заберут автобусы». Это долгожданная команда понравилась всем. В этом случае у нас было больше шансов дойти живыми. Нам приказали, чтобы мы выходили по одному через КПП и строились за воротами Белого дома. Когда все вышли, прозвучала команда: «Шагом марш!» Мы шли очень осторожно, оглядываясь по сторонам. Когда мы шли через парк, я не увидел ни одного человека. Но когда мы дошли до улицы Жибек-Жолу, и по ней пошли в сторону Старого автовокзала, на другой стороне улицы мы увидели людей, которые смотрели на нас с ненавистью. Они стали громко осыпать нас нецензурной бранью. Такие же слова мы слышали, когда сидели у Белого дома. Но нас инструктировали, что в толпе будут провокаторы, которые попытаются нас выманить, тем самым разрушить наш строй. Самое главное не поддаваться провокациям.

Я шел и смотрел прямо, чтобы поскорее увидеть на горизонте Старый автовокзал. Он для нас сейчас означал Спасение! Когда мы проходили мимо «Народного», который находился в метрах 70 от Старого автовокзала, я увидел группу людей, которые стояли возле Супермаркета. Они раздали нам бутылки с водой и отнеслись к нам с пониманием. Мы поблагодарили их и взяли воду. Их поступок означал, что они понимают- мы не враги.

Наконец, дойдя до Старого автовокзала, мы остановились. Нам сказали, что теперь мы должны ждать автобусы. Положив щит на землю, я сел на него. Рядом со мной стоял мой командир взвода. Постояв несколько минут, он сел рядом со мной. Он снял каску с головы и задумчиво смотрел на асфальт. Резко подняв голову, он посмотрел на меня.

-Как ты?

-Да вроде бы в порядке. А как Вы?

-Со мной тоже все хорошо.

У меня с ним была одна цель - остаться в живых. Я забыл про разницу в возрасте и различия в званиях. В этот момент мы были равными. Сидя на щите, я не чувствовал ног, как будто прошел тысячу километров. Также меня мучил голод. Я вспомнил, что с утра ничего не ел, питался только никотином от сигарет. Мы молча смотрели на дорогу, чтобы увидеть долгожданные автобусы. Я сидел опустив голову, вдруг я услышал сигналы автобусов. Возле нас остановились два автобуса, которые еще утром везли нас на площадь. Я резко встал, чтобы побыстрее уехать. Возле входа в автобус образовалась большая очередь. Все хотели поскорее убраться отсюда. В этот момент прозвучал громкий командный голос: « Всем стоять на своих местах! Первыми в автобус сядут третьекурсники. Следующим рейсом уедет четвертый курс».

Я обратно сел. Когда автобус уехал, я в уме начал вычислять : через сколько времени автобус вернется за нами. По моим расчетам выходило где – то минут двадцать – двадцать пять. Эти минуты казались мне нескончаемыми. Увидев автобус, который приехал за нами, мы выстроились в одну колонну и начали заходить. Я сел возле окна. Мы наконец-то поехали. Только устроившись в кресле автобуса, я почувствовал себя в безопасности.

Казалось, что с того момента, когда я точно так же днем сидел у окна в автобусе, прошла целая жизнь. Казалось, будто я приехал юношей, а уезжаю поседевшим стариком. Я ехал и радовался одному- что живу. Но мне не давала покоя мысль о моих друзьях, которые остались на площади: « Как они и где они?»

В Академию мы заехали через южные ворота. Автобус остановился рядом с спортгородком. Мы все вышли и построились. Проверив нас, командир сказал: «Сейчас все зайдете в столовую ужинать. Защитные костюмы снять и оставить в классах. После ужина сержантам дать точный письменный расход: кто в больнице,

а кто дома. Всем находиться в классах до утра. Утром будете сдавать щиты, каски и защитные костюмы».

Поужинав, мы зашли в класс. Передвинув парты, мы легли на них. Меня мучила боль во всем теле: мои кости и мышцы ныли от боли. Я чувствовал себя усталым и разбитым. Хотелось помыться. Но больше чем физическая боль, нас ела душевная. Мы не могли заснуть после увиденного. Я знал, если я хочу заснуть, то мне надо отключить мозг и ни о чем не думать. Изолировавшись от мыслей я все-таки заснул...

На следующий день

Рано утром, открыв глаза, я увидел рассвет. Мои друзья еще спали. Стараясь не разбудить, я бесшумно встал и тихо вышел на воздух. Спустившись в туалет, я помыл лицо холодной водой, чтобы окончательно проснуться. На улице я сел на скамейку и закурил. Любуясь рассветом, я думал: “ Может все, что вчера произошло со мной было лишь страшным сном? Не было поездки на площадь, взрыва гранат, кошмарной ночи у Белом дома?”Когда я начал тушить сигарету, я почувствовал боль в руке . Это боль подтвердила, что вчера все было реальностью. Я мечтал, чтоб все произошедшее было лишь фантазией, плодом моего воображения.

Тут я вспомнил про Дежурную часть Академии. Дежурка первой узнает о всех новостях. Мне не терпелось узнать хоть что-нибудь о моих друзьях, об обстановке в городе.

Открыв дверь Дежурной части, я увидел начальника дежурки. Он разговаривал с курсантами с третьего и второго курса. Вдруг в их разговоре я услышал слово “опознали”. Я встревожился: «Кого?» Зайдя внутрь, я со всеми поздоровался и спросил у начальника Дежурной части : «Кого опознали?» Он опустил глаза и несколько секунд сидел в таком положении. Подняв голову, ответил.

-Вчера вечером опознали Куц Никиту. Его опознала мама.

Услышав эти слова, я молча вышел за дверь. Идя по коридору, я был словно под гипнозом. Меня шокировала это новость. В голове у меня всплывали воспоминания. Будучи абитуриентом я познакомился с Никитой, когда сдавал документы в Академию. Как мы с ним стояли в наряде. Как я ходил к нему на КВН, где он своих миниатюрах заставлял весь зал смеяться. Как я учил его приемам борьбы. Еще вчера он сидел на лекции и, прячась от лектора, тихо рассказывал анекдоты.

А сейчас мне сказали, что его больше нет...

Я остановился и решил сходить в его класс сказать о смерти его одноклассникам. Подойдя к его классу, я постучал. Дверь открылась. Зайдя в класс, я увидел, что ребята только что проснулись.

—Куц погиб, вчера вечером его опознали в морге.

Больше ничего не сказав, я вышел. Когда я вошел в свой класс, мои товарищи сидели на партах и одевались. Я подошел к своей парте и прислонился к ней рукой.

—Куц погиб.

Тихо сказал я, изо всех сил стараясь не заплакать. Мне было тяжело это говорить что -то сердце кололо. Все посмотрели на меня. Они начали допрашивать: как и где. Я рассказал им, что узнал об этом в Дежурной части. В классе стояла гробовая тишина. Эту тишину нарушила команда «Построение!» В коридоре слышались шаги. Мы взяли щиты, защитные костюмы и вышли на улицу.

Построившись в спортгородке, мы ждали нашего командира. К нам начали подходить те, кто вчера сбежал. Поздоровавшись с ними, я молча смотрел на небо. Я не стал их осуждать, критиковать за бегство вчера ночью. Получалось бы, что я хвастаюсь и хочу показать, что герой, потому что остался в Белом доме.

Светило солнце, на небе не было ни единого облака. Я грелся под солнечными лучами. Я подумал: «Вчерашний день мог быть последним в моей жизни. Но поскольку я остался цел и невредим, я должен ценить и радоваться тому, что могу наслаждаться лучами солнца».

Медленно подошел к нам наш командир. Мы стояли и ждали указаний. Он приказал нам сдать спецсредства в склад и упаковать защитные костюмы. Упаковав костюмы, мы пошли в сторону склада. Но там никого не было. Мы ждали больше получаса, пока к нам подошел прапорщик, который должен принять у нас спецсредства. Сдав спецсредства, я лег на траву. Я чувствовал себя уставшим, и мне хотелось спать. Закрыв глаза, я фантазировал, что нахожусь дома и лежу на диване, укрывшись одеялом. Я почувствовал, что кто-то коснулся рукой моего плеча. Открыв глаза, я увидел своего однокурсника. Он позвал: «Построение, вставай!»

Я встал и пошел за ним. Мы построились на плацу повзводно. Я заметил, что на построении стояли лишь половина моего взвода. Но еще меньше людей было у второго взвода, в котором учился Никита. Наше внимание привлек мужской силуэт, который сильно хромая шел к нам. Это был наш начальник курса. Когда он подошел к нам, прозвучала команда: «Смирно!». Он встал в самом центре. Ему было тяжело стоять. Держась одной рукой за раненую ногу, он смотрел на нас.

- Вы все уже слышали, что у нас есть раненые и потери. Мне только что позвонили и сказали, что мы потеряли еще одного.

Мы все застыли, ожидая, чью фамилию он назовет. Что-то снова кольнуло в сердце. К моему большому удивлению он назвал фамилию моего лучшего друга, Такырбашева Эдиля. Услышав его фамилию, я застыл как статуя. Я не мог поверить своим ушам! Ведь только вчера мы с ним разговаривали на перемене. Он попросил у меня немного денег в займы я сказал, что дам . Мы всегда помогали друг другу в тяжелых ситуациях.

Я вспомнил, как мы с ним ехали в автобусе на площадь. Как мы стояли под градом камней. Но я не знал, что этот момент будет последним, когда я его видел живым. Помолчав несколько секунд, начальник курса тяжело вздохнул и сказал:

- Я сейчас еду к маме Никиты Куца, чтобы отдать ей деньги на похороны. Я взял их из фонда курса. Надо еще собрать денег на похороны Такырбашева. Мы должны помочь их родителям хотя бы материально.

Когда он ушел, сержанты начали собирать деньги. Так как мои деньги были в вещмешке, который висел на вешалке в классе, я взял ключи от класса и побрел по коридору. Я до сих пор не мог поверить, что Эдиля и Никиты больше нет. Я надеялся на то, что произошла какая-то ошибка, и нам объявят, что они живы и здоровы. И мы снова их увидим!

Взяв деньги, я пошел искать сержанта, чтобы отдать их ему. Я нашел его на скамейке рядом с плацем. Он сидел и писал список тех, кто сдал деньги. Отдав деньги, я увидел моих одновзводников. Они образовали круг и сидели на траве. Я

подошел к ним. Мне бросилась в глаза бутылка водки, которая стояла в центре круга вместе с закуской. Увидев меня, они предложили мне сесть и выпить, помянуть погибших. Я залпом выпил содержимое в стакане. Закусив хлебом, я закурил. Каждый, кто сидел в кругу, говорил о погибших теплые слова. Какие они были честные, добросовестные, веселые и молодые. В этот момент единственное, что мы могли сделать в знак протеста против происходящего и выплеснуть горе – это тайком выпить водки.

Докурив сигарету, я выпил еще один стакан и пошел в класс, чтобы переодеться в гражданскую одежду. Нас отпустили домой до завтрашнего утра. Нам запретили появляться на улице в форме. “ До чего мы дошли! Приходится прятать форму, которой должны гордиться! Вместо этого мы скрываемся словно шпионы!” – злился я. Переодевшись, я вышел из класса и пошел в парк, чтобы подышать свежим воздухом. Вернувшись в класс, я увидел там троих моих однокурсников. Они сидели на партах и разливали водку. Они, ничего не сказав, протянули мне стакан. Он был полон наполовину. Я посмотрел на них и сказал.

– Давайте выпьем за тех, кого нет рядом с нами. Нет человека, который мог бы сказать о них плохое слово. Мне больно осознавать, что их больше нет. Они погибли героически, выполняя свой служебный долг. Если на небесах есть рай, то они попадут туда. Это я знаю точно. Пусть земля им будет пухом.

Закончив говорить, мы опустошили стаканы.

Выпив еще пару стаканов, я попрощался с друзьями и поехал в морг забрать тело Эдиля. Подходя к зданию морга я увидел большое количество людей. Они ждали своей очереди для опознания трупов. Все выходящие из морга плакали и рыдали. Я с моими однокурсниками сел на лавку и ждали своей очереди. Сидя на лавке, я, опустив голову, смотрел на бордюр, как вдруг услышал крик женщины. Она рыдала и кричала громче всех, какой-то мужчина обняв ее, прижимал к себе, чтобы успокоить. Но она не успокаивалась, она все кричала .

– О, Аллах, зачем ты меня так наказываешь? Почему ты забрал моего сына? Лучше бы ты забрал меня!

Она подняла голову и молящими глазами смотрела на мужчину, который ее держал.

- Канат, почему Кудай нас так наказывает? Ведь мы за свою жизнь не сделали никому плохого, ему же совсем недавно исполнилось 19 лет. Еще вчера я разговаривала с ним по телефону. Услышав выстрелы и взрывы, я спросила, где он находится. Помолчав он сказал, что возле Белого дома. Я накричала на него и сказала, чтобы он уходил оттуда и шел домой. Он спокойно сказал: “ Не бойся, мама, все будет хорошо, я приду домой”. Он не пришел. Я сердцем почувствовала, что с ним что-то случилось, когда наш разговор по телефону прервался. Я не смогла до него дозвониться. Я до сих пор слышу его последние слова: “Я приду домой”. Но он не пришел, Канат, он не пришел...

Мужчина, прижав ее к себе, плакал. Когда эта женщина немного успокоилась, мужчина ее повел в сторону стоянки. Видя состояние этой пары, я подумал, что также будут плакать родители Эдиля и Никиты. Представив этот момент, мне стало еще хуже на душе.

Ожидающих было так много, что мы, прождав час, не сдвинулись с места. Я понял, что мы будем ждать до вечера и вспомнил про обещание, которое дал матери, что сегодня пораньше приду домой. Попрощавшись с ребятами, я поехал домой.

Маршруток практически не было. Доехав домой, я открыл двери. Мама, увидев меня, подбежала ко мне с пиалой в руке. Подняв пиалу над моей головой, она сделала три круговых движения. Потом она сказала, чтобы я сплюнул три раза. Я сделал все, что она просила. Она положила пиалу на пол и обняла меня, словно я вернулся с того света.

Я заметил, что у нее красные глаза и мешки под глазами. У нее был уставший вид. Было видно, что она очень сильно переживала: причиной переживаний и стресса был я. Покушав и умывшись, я начал переодеваться. Увидев, что я делаю, мама настороженно посмотрела на меня.

-Ты куда?

-Мне надо навестить моих друзей в больнице.

-Будь осторожен.

-Хорошо мам. Кстати после больницы я поеду на работу. Так что сегодня я не приеду.

-А тебе обязательно надо ехать?

-Да, иначе меня могут уволить.

По ее взгляду я понял, что она не хочет меня отпускать. Но она прекрасно понимала, что меня нельзя переубедить.

Мои однокурсники были разбросаны во всех больницах города. В первую очередь я поехал в поликлинику МВД. Навестив там друзей, я узнал, что с ними все в порядке, и все они пойдут на поправку. Но остались другие, которые находились в других больницах города. Двое находились в тяжелом состоянии. Я посмотрел на часы. Было уже поздно. Меня не впустили бы в больницу. Приехав на работу, я увидел своего напарника. Он крепко пожал мне руку.

-Я очень рад, что ты пришел. Я беспокоился за тебя. Рассказывай, что там произошло.

Сняв свою сумку, я сел. Солнце заходило за горизонт, оставляя за собой розовые полосы на небе. Я рассказал, что со мной произошло вчера на площади. Он слушал меня очень внимательно. Когда я закончил говорить, он встал и пожал мне руку двумя руками.

-Мне жаль твоих друзей. Но будь благодарен судьбе, что ты остался в живых. На их месте мог быть и ты. Я рад, что ты жив и здоров! Я видел по телевизору, что происходило на площади. Но не знал, что ты находишься там. Потом от знакомых узнал, что есть раненые среди курсантов. Я сразу подумал о тебе. К счастью, ты цел и невредим.

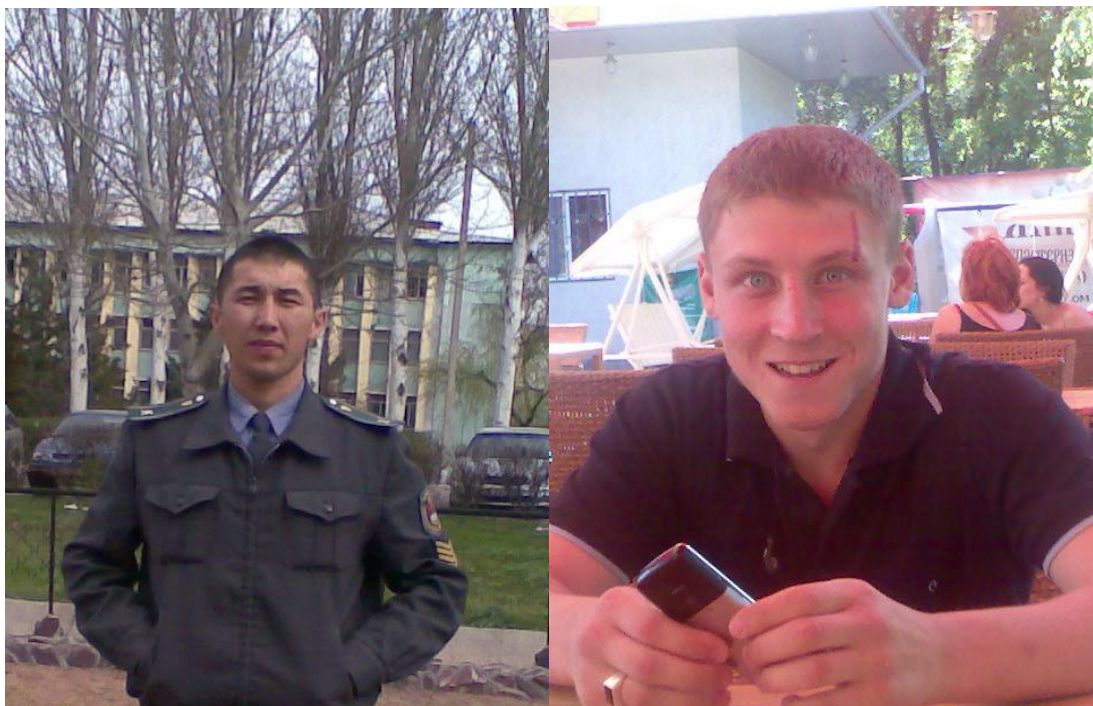
Я поблагодарил его за эти слова. Мы с ним еще долго разговаривали.

На следующий день утром я пришел на построение в Академию. Нас держали до шести часов вечера. И так каждый день. Приходили рано утром, уходили почти под вечер. С Академии я сразу ехал в больницу, чтобы навестить

своих однокурсников. Видя их состояние, у меня ныло сердце. У многих были осколочные ранения от гранаты. У некоторых были и пулевые ранения. Увидев их раны, я еще раз понял, что мне крупно повезло. У меня на теле не было ни царапины. Если мне не хватило бы щита или будь я на метр левее, я бы сейчас, в лучшем случае, лежал бы на больничной койке. Раненые рассказывали, что в больнице их навещают не только близкие люди, преподаватели, офицеры, но и совсем незнакомые. Они приносили им лекарства, продукты, деньги. Но дело было не только в оказании гуманитарной или материальной помощи. Меня обрадовал тот факт, что моих друзей посещали посторонние люди. Больше всего мне понравилось, что эти люди подбадривали больных, оказывая им психологическую помощь. За это им большое спасибо! Разговаривая с друзьями в больнице, я узнал, что Эдиль был жив, когда его привезли в больницу. Ему наложили жгут на ноги. Он получил серьезные ранения ног. По правилам, которые мы учили на занятиях по медицинской подготовке, жгут надо менять каждые два часа. Но Эдилью не оказали надлежащую медицинскую помощь, из-за чего он умер от потери крови. Мои друзья погибли в расцвете жизни - им всего было по 22 года. У них могли быть семья, дети и другие радости жизни. Больше всего меня поражало в Эдилье и Никите их отношение к жизни: они умели радоваться и наслаждаться ею. Трудности они встречали стойко и с оптимизмом. Даже, когда им объявляли “наряд вне очереди” за нарушения, они улыбались и говорили: “Ничего, наряд так наряд. Он же не вечный, а суточный - один день проведу на посту. Это даже мне на пользу”.

На похороны Эдиля я не поехал, он был родом из Иссык-Куля. Когда меня спросили, поеду ли я на похороны, я отказался. Я не хотел признавать, что Эдиля больше нет. Так же я не поехал на похороны Никиты, так как не всех нас отпустили с Академии. После седьмого числа, я каждый день напивался, чтобы хоть как-то заглушить боль потери. Напиваясь, я вспоминал те дни, когда мы с Никитой и Эдилем жили в казарме. Как вместе выходили на патрулирование города, и на оцепление на концертах. Как мы стояли в нарядах. Я с ними

проучился четыре года, но у меня было впечатление, будто знали друг друга всю жизнь. Благодаря им я понял, что дружба-это не только, когда находятся общие темы для разговора, интересные истории, чтобы всем было весело и интересно.

Дружба- это братское плечо в трудную минуту, взаимопомощь, понимание, которые с годами становятся еще крепче. Учеба в Академии, ее дисциплина и трудности, с которыми мы сталкивались там, сделала нас лучшими друзьями. Чем труднее нам было, тем дружнее и крепче мы становились. Я часто вспоминаю слова Никиты: «Брат, придет день, когда все будут мной гордиться!»

Однажды, когда я шел по коридору Академии, меня остановил мой однокурсник и спросил: « А ты не знаешь знакомую Эдиля по имени Мээрим? Я удивленно спросил: « Нет. А что случилось?» Он ответил: « Да просто в вещах Эдиля нашли фотографию девушки с надписью «Я люблю тебя Мээрим!» Кто знает, а может они хотели пожениться и у них были бы дети! Жаль, что судьба сожгла все их мечты.

На следующий день после 7-апреля я узнал, что у курсанта 3-курса погиб отец на его глазах возле ворот Белого дома. Его отец узнав, что его сын в Белом доме, взяв еду и гражданские вещи сына поехал туда. Как мне сказали, он пытался отдать через решетки ворот пакет сыну, и в этот момент в него попала пуля снайпера. Ужасно представить состояние курсанта, когда на его глазах убили отца.

Неделю спустя после апрельских событий нам объявили список тех, кого поощрили. В списке, естественно, были раненые. Меня удивило то, что поощрили тех, кого я даже не видел в Белом доме, когда нас обстреливали. Также меня поразило то, что в списке не было ребят с моего взвода. Тех восьми человек, которые стояли со мной до конца : начиная с того момента, когда мы ехали на площадь, и заканчивая тем, когда мы поздно ночью приехали в Академию. Меня это взбесило.

Вот она наша награда. О нас просто забыли. Была бы моя воля, я бы наградил всех, кто был 7 числа на площади. Я задал себе вопрос, зачем я остался и рисковал жизнью? Надо было сбежать как некоторые. Получилось так, что не

было никакой разницы между теми, кто остался до конца и теми, кто сбежал. Мы стояли там не из-за награды или благодарности, да и в тот момент о ней никто и не думал. Однако, несправедливость, по отношению к отстоявшим до конца, возмущала. Еще больше я испугался, что также забудут о моих друзьях, которые погибли, выполняя свой служебный долг. Я разочаровался в нашей системе. В системе, где за исполненный долг не только не поощряют, но и забывают. Как будто ничего не было. Как теперь можно говорить о добросовестной службе, если твои заслуги не ценятся и забываются.

В один из дней нам сказали, чтобы мы завтра принесли форму, потому что к нам в Академию приедет замминистра, мама Никиты и тетя Эдиля. Будут молитвы и будет общеакадемическое построение.

На следующий день все курсанты и офицеры стояли на плацу. После того, как молдо прочитал молитву, мы поротно строевым шагом прошли возле фотографий Эдиля и Никиты, тем самым отдавая поледнюю дань погибшим. Стоя в строю, я видел как наши женщины-офицеры плакали, также на трибуне стояли мама Никиты и тетя Эдиля, они плакали так сильно, что их с двух сторон держали. Я еле держался, чтоб не заплакать. Опустив голову, я сжимал кулаки.

Увидев родных Эдиля и Никиты я вспомнил, что они были единственными сыновьями. У Никиты была старшая сестра, но она вышла замуж и жила отдельно от мамы. У Никиты умер отец, и они жили с мамой вдвоем. У Эдиля в семье кроме него были две сестры. Родители испытывали трудности со здоровьем. И все надежды на будущее они возлагали на Эдиля.

Однажды, возвращаясь с занятий, в маршрутке я встретил старого знакомого. Я давно его не видел и был рад нашей встрече. Он предложил выйти и где-нибудь посидеть, побеседовать. Ехать домой я не хотел, мне хотелось отвлечься. Мы нашли укромное тихое место возле поля, рядом текла речка. По дороге мы купили пиво. Сидя на траве, мы смотрели на бескрайнее поле, речку, шум которой успокаивал в тишине. Я рассказал ему о своих апрельских

приключениях. Когда я закончил свой рассказ, он тяжело вздохнул : “ Я ведь тоже там был”. Он стал говорить.

- В тот день у меня рано закончились пары. Мы с друзьями решили прогуляться по городу. Мы шли по Чуйскому проспекту и слышали выстрелы, в этот момент мы находились возле Торгового центра Бета-Сторес. Нам стало ясно, что эти звуки доносятся со стороны площади. Нам стало интересно узнать, что там происходит. Мы решили посмотреть, но в мерах предосторожности мы пошли не по проспекту Чуй, а по улице Киевской. Когда мы дошли здания Илбирс, я увидел страшную картину: люди лежали на асфальте, истекая кровью. А те, кто пытался помочь им, сами падали пораженные выстрелом снайпера. Я медленно шел, прижавшись к стенам здания Илбирса. Мне удалось дойти до колонн. Рядом со мной стояли несколько человек. Они, также как я, пытались помочь тем, кто лежал на асфальте. Но мы боялись сделать шаг вперед. Видя весь этот хаос, я оцепенел от страха. Вдруг парень, стоявший возле меня побежал в сторону Белого дома. Присмотревшись, я увидел, что он побежал к пожилому человеку, который лежал в метрах 10 от нас. Добежав он попытался поднять его, как через секунду сам упал. Видя, как он пытается встать, я забыл про свой страх и побежал к нему. Когда я подбежал, я обхватил его руками и начал тащить к колоннам. Уже когда мне оставалось три метра до колонн, ко мне подбежали другие и помогли оттащить его. Мы перенесли этого парня на улицу Киевскую, найдя безопасное место, положили его на землю. Его футболка вся была в крови. Он пытался что-то сказать, но не мог, у него не было сил, чтоб говорить. Не теряя времени, мы начали искать машину, чтоб отвезти его в больницу. Я встал на середину дороги и так пытался остановить машины. Водители объезжали меня, боясь, что я заберу их машину. Мне все таки удалось остановить одну машину. Я подбежал к водителю и сказал, что человек умирает и его срочно надо отвезти в больницу. Водитель согласился и даже помог положить раненого в салон автомобиля. Подъехав в больницу, мы подняли раненого и понесли к дверям. Врачи были наготове. Когда мы вошли в больницу, нам принесли носилки и мы положили на них этого

парня. Я хотел сделать шаг назад, чтобы не мешать врачам, как вдруг этот парень схватился за мою руку и, посмотрев на меня горящими глазами, сказал: “Мама”. После этого он откинув голову, перестал дышать. Врач закрыл ему глаза, сказав, что ничем больше не можем ему помочь. Прошло время, но я до сих пор помню его глаза. Глаза, которые говорили: “Я хочу жить”.

Мы разъехались по домам.

Проанализировав события 7 числа я пришел к выводу, что мы были грубо говоря «мясом, мальчиками для битья, козлами отпущения». Так же с нами поступили и 24-марта. Но тогда не было жертв. Если сравнить эти две революции, то 24-марта, по сравнению с апрельским, был мирным митингом. 24- марта не трогали солдат, которые стояли у флагштока. 7-апреля солдат, охранявших флаг государства - пост №1, избили и отобрали оружие. Я просто не понимал логику действий толпы!

Солдаты в чем виноваты? В том, что они в тот день заступили в наряд? Того требует Устав. Эти же солдаты стоят сегодня и завтра будут стоять на страже и защищать народ, Родину.

Революции просто растоптали, унизили сотрудников ОВД и вооруженных сил. К тому же осуждали за то, что мы не принимаем меры для обеспечения порядка. Люди начинают осознавать, что милиция нужна лишь тогда, когда рядом

хаос и беззаконие. А в мирное время нас критикуют, осуждают, что мы ничего не делаем, ущемляем их права. Конечно, отчасти я согласен с ними, что наша структура и система не идеальна. Среди людей в погонах есть такие, которые позорят честь мундира. Но есть и люди, которые работают на совесть. Граждане не знают, что красные дни в календаре для нас серые. В эти дни мы работаем в усиленном режиме, чтобы праздник прошел в тихой и спокойной обстановке. Несмотря на снег, дождь, мороз, холод и жару, независимо от времени суток выходим на дежурство, чтобы люди спали спокойно. Как мы сутками не появляемся дома, устаем физически и морально. У гражданских такое впечатление, что у милиционеров все отлично. Что нас хорошо обеспечивает государство, награждая высокой зарплатой, создавая нам идеальные условия для работы. Это не так.

Когда-то было время. По рассказам ветеранов, во время СССР нас уважали, были льготы и достойная зарплата, на которую можно было жить. В данный момент средняя заработная плата сотрудников ОВД шесть тысяч сомов. Моя зарплата составляет пять тысяч сомов. Я холост, не покупаю дорогих вещей, а только трачу их на самое необходимое: на проезд и еду. Этих денег едва хватает мне даже на это. Представьте себе сотрудника, у которого есть семья.

Верю, что придет такое время, когда у сотрудников ОВД будет высокая зарплата, отличные условия для работы, достойная жизнь, народ будет уважать людей в форме. А те, кто в форме будут носить ее с гордо поднятой головой, честно исполнять долг, защищая права граждан. Я верю, что придет время, когда выражение «честь мундира» будет также актуально как раньше и будет иметь большое значение, а не являться пустыми словами.

Человек, который одел форму, несет определенную ответственность и обязанность не только перед государством и обществом, но и перед собой. Форма – это не только красивая одежда, которую мы носим, чтобы отличаться от других. Это статус человека, который должен соответствовать высоким требованиям и сам являться образцом.

В нашей стране произошли две революции. И после каждой осуждали правоохранительные органы в том, что мы были на стороне тех, кто был у власти. Народ никак не поймет, что мы исполнительный орган. Вся наша структура держится на жесткой дисциплине. Дисциплина-это четкое и неукоснительное исполнение приказа. Такая у нас профессия, выполнять, а не обсуждать. Так получилось, что всегда оказываемся между двух огней. С одной стороны народ, который недоволен правительством, а с другой правительство, которое создает обстоятельства для недовольства народа. Между ними находимся мы - правоохранительные органы. Это обстоятельство создает коллизию. Мы сами из народа и должны защищать их права и интересы, но по закону подчиняемся приказам правительства. Но вопрос состоит в другом: кто будет отдавать нам эти приказы? Один писатель сказал: «С плохими законами и хорошими чиновниками вполне можно править страной. Но если чиновники плохи, не помогут и самые лучшие законы».

Мы получили независимость и стали самостоятельным государством. На карте Кыргызстан маленькое государство. Нас всего чуть более пяти миллионов. У нас есть своя территория, флаг, гимн и другие атрибуты государства. Есть нации, у которых нет государственности, нам надо гордиться своим суверенитетом. У нас прекрасная природа, красивые горы и озеро Иссык –Куль.

Наша земля богата природными минералами. Кыргызы- один из самых гостеприимных народов в мире. Если грамотно и с пользой использовать все

природные ресурсы, можно подняться до такого уровня, что европейские страны будут нам завидовать.

Я надеюсь, что нынешнее правительство не совершит ошибок предшественников. Также я надеюсь, что они будут работать во благо государства и народа, а не для себя. Ведь революция 7- числа далась нам большими и невосполнимыми потерями. Потери были не только со стороны гражданского населения, но и со стороны правоохранительных сил. Однако и те, и другие - один народ.

Спустя две недели после 7-апреля я сидел в парке и наслаждался природой,

светило солнце. Рядом на детской площадке играли дети. Мимо меня проходили влюбленные пары. Напротив меня сидели родители детей и обсуждали бытовые проблемы. Кругом были идиллия и покой. В моей памяти до сих пор всплывали моменты, когда над головой свистели пули и взрывались гранаты, я хотел стереть с памяти все, что я видел 7-числа, но не мог.

Однажды мой друг сказал: «Что жизнь-это пламя свечи, она может потухнуть в любой момент и внезапно». Никто не знает, сколько нам отведено времени. Но теперь знаю одно точно, надо прожить жизнь так, чтобы было чем гордиться в конце жизненного пути.

Я посвящаю эту книгу светлой памяти моих друзей, коллег, которые погибли 7-апреля, исполняя свой служебный долг. Они будут вечно с нами и мгновения, которые мы прожили вместе, останутся в наших сердцах с незаживающей болью в душе. Я всегда буду помнить о них, для меня они останутся моими лучшими друзьями. Они ушли из нашего мира веселыми, добрыми и молодыми.

Часть II. « Торжественно клянусь, добросовестно исполнять служебный долг!» (из текста Присяги)

7 апреля 2010 года... Этот день начинался в Академии как обычный будничнй день. Все сотрудники и курсанты были заняты своими обычными делами: кто вел занятия, кто читал в библиотеке, кто спешил на построение и т.д. И **никто** не знал, что этот день станет рубежной чертой, которая перевернет жизнь многих кыргызстанцев, особенно милиционеров.

Мы безмятежно смотрели в окно и видели, как наш первый сводный отряд привычно садится в автобусы в снаряжениях. После первой «тюльпановой» революции 2005 года, когда наши курсанты отстояли на оцеплении на площади, когда они оттеснили нападения мародеров на ЦУМ, появились в Академии эти необычные черные защитные костюмы, похожие на одежду роботов. Казалось, что эти грозные снаряжения защитят наших ребят от камней и ударов палок. Наивно полагали мы, что и на этот раз ребята постоят на площади пару часов и приедут

героями, как это было 5 лет назад. Никто не мог предвидеть, что в наших детей полетят булыжники, осколочные гранаты «Черемуха».

Мы (женщины-офицеры) сидели в кабинетах и смотрели телевизор, откуда глава правительства убеждал не впадать в панику, потому что все находится под контролем. Нам и в голову не приходило, что в этот момент наши дети-курсанты истекают кровью на площади. Только увидев в окно, как бегут мужчины-офицеры к автобусам, которые некоторое время назад увозили первый и второй сводные отряды, мы забеспокоились: «Происходит что-то очень серьезное!».

Пробежавшая весть о том, что уже имеются жертвы и среди них один курсант, казалась абсурдной, никто не поверил.

Примерно к 17 часам мы с подругой поехали к Белому дому отвезти ее мужу и брату (тоже сотрудники Академии МВД) пакет с хлебом и фруктами. Оставив машину у здания Академии Управления при Президенте, мы с ней побежали через парк к месту, где были наши академические. Я бежала, и, вспомнив, что я в форме, старалась спрятать предательски выглядывающую милицейскую юбку под плащом. В парке бродило много разного народу: солидные мужчины, пьяные и грязные бомжи, кучка молодых спортивного телосложения парней что-то обсуждала возле двух иномарок, даже пара иностранцев прогуливалась, не понимая, что это идут не съемки голливудских боевиков. Глядя на весь этот пестрый контингент митингующих, слыша звуки выстрелов и рев толпы- мы поняли, что находимся в опасной зоне, а тем более в форме, даже если она под верхней одеждой. (В тот момент мы не знали, что на крышах сидят снайперы, а ведь их мишенью могли запросто стать и мы вдвоем). Еще мы заметили наших пятикурсников в гражданской одежде в парке и на других улицах, они под видом зевак, наблюдали за обстановкой (позже мы узнали, что благодаря нашим пятикурсникам многих раненых сотрудников вынесли с площади). Когда мы подошли к железным ограждениям Белого дома, то увидели много наших. Через решетки мы перебросили пакет с едой, в этот момент к забору подбежали наши курсанты и спрашивали, что мы тут делаем и просили быстрее уходить, так как есть информация, что сейчас подъехал грузовик с взрывчаткой, и могут взорвать ворота. До чего же родные были их лица, а буквально вчера мы их отчитывали за невыполненные домашние задания! Сейчас нас разделяла только железная решетка забора, но мы были схожи в одном – у всех в глазах была растерянность.

Подбодрив их, мы побежали к машине. Однако проспект Жибек-Жолу был перекрыт огромными булыжниками, мы поехали в объезд через какие-то закоулки

вслед за другими машинами. Проезжая по одной улице, выходящей на Жибек-Жолу, мы увидели много людей, они как в муравейнике дружно «трудились»: разливали по бутылкам бензин и готовили из них зажигательные смеси. Им машины подвозили в канистрах бензин, одни разливали, другие рвали тряпки- одним словом целый завод под открытым небом! Мы видели, как впереди остановили машину и буквально выволокли из нее парня-водителя. Этот часовой остановил и нас. В руках у этого пьяного мужчины с какими-то остекленелыми глазами была бутылка- взрывчатка. Он хотел закинуть ее мне в открытое окно, я взмолилась: « Байке, пожалуйста, мы домой торопимся к своим детям, нам страшно, не трогайте нас, отпустите! ». Рядом стоявший с ним мужчина сказал ему на кыргызском: « Отпусти девушек, не трогай ». Мы поехали дальше, руки дрожали, казалось, будто мы смотрим военный фильм в формате 3D и, это не может быть реальностью! По дороге оставив подругу, я приехала на работу в Академию, где меня ждали курсантки 2-курса, чтобы доехать со мной до Канта (я там живу). Уже будучи дома, я увидела по новостям о происходящих событиях . До часу ночи созванивалась с коллегами, спрашивая о наших офицерах и курсантах на площади, но никто ничего толком не знал, у многих телефоны вообще были отключены...

...Говорят, что у людей переживших большое горе, потерявших близких, жизнь делится на две части – на «До» и « После».

Для нас, сотрудников милиции, жизнь «До» - это было уважение соседей, восхищение в глазах детворы, когда мы гордо шли в милицейской форме по улице. Все это в одночасье стерлось 7 апреля.

Жизнь «После» - это растерянность, будто в голову забросили дымовую гранату и ты, как в густом тумане, не знаешь куда идти.

Утром 8 апреля я долго решала - нужно ехать мне на работу или нет. Не знала дальнейший план своих действий. И все- таки поехала. По дороге на работу, я видела разгромленные магазины, битые стекла, стоящих в смятении людей. В фойе Академии, собравшиеся угрюмо смотрели на фотографии двух погибших курсантов - Куш Никиты и Такырбашева Эдиля. Я почувствовала, как земля уходит из-под ног...

Никиту я видела всегда в окружении своих друзей - КВНщиков, веселый, добрый. В последний раз, я помню, он заходил к нам на кафедру сдать отработки, мы еще шутили : « КВН это хорошо, а предмет тоже знать надо». Эдия я учила с первого курса, и в памяти он остался первокурсником: худой, стеснительный, с аккуратным почерком и безупречно выполненным домашним заданием. У него еще были интересного цвета глаза : то ли серые, то ли зеленые. Оба были единственными сыновьями, надеждой и гордостью родителей...

Уже позже по всем телевизионным каналам показывали последние минуты жизни этих ребят: вот наши курсанты в своих «черепашках» сбились в кучку, затем взрыв, облако дыма, все побежали, падает Никита, стоявший с краю, и толпа накрывает его...

Как только начинали показывать эти кадры, я кричала: « Наши курсанты, вот наши!» и плакала навзрыд вместе с мамой. Второй раз за свою жизнь я плакала навзрыд, не стесняясь родных. В первый раз такие истерики были после похорон самого любимого мной человека- моей бабушки, которая меня вырастила с 9-месяцев.

После совещания днем 8 апреля, женщины-сотрудницы стали разбиваться по группам, чтобы искать по больницам раненых курсантов и помочь им. Наша

группа (преподаватели нашей кафедры) выехала в первую больницу на Фучика. У входа висел список больных, а рядом с фамилией наших курсантов пометка «Академия МВД». Сначала мы не придали этому значения, потом, когда увидели, что курсанты лежат вместе с революционерами, которые со злостью видели в них убийц, «бакиевцев», «ментов» - мы встревожились. Уезжая из больницы с тяжелым сердцем, мы решили, что надо их перевозить в безопасное место. Еще тяжелее давалось понимание того, что общество разделилось на два враждебных лагеря, по одну сторону которого оказались мы – сотрудники милиции. Эта пропасть стремительно расширялась также благодаря выступлениям некоторых, которые «вешали всех собак» на милицию. Курсанты приходили на занятия в «гражданке», пряча удостоверения. Одному третьекурснику пришлось убежать через огороды от пьяного соседа, который с друзьями на машине преследовал его и кричал: «Держите, это курсант милиции!». Другого курсанта, вынужденного показать удостоверение в общественном автобусе за неимением денег, просто мягко говоря, «обозвали» все пассажиры и вытолкали. Все эти вести создавали ощущение безвыходности, ненужности никому, хаоса.

Все занятия начинались с минуты молчания. На вопросы курсантов о будущем милиционеров, мы отвечали, что все будет хорошо и никому не нужно бросать учебу, а сами стали думать о поисках работы на гражданке.

В четверг вечером 8 апреля, после посещения раненых в больницах, мы (начальник факультета, профессор нашей кафедры и я) поехали искать ковер, в который нужно было завернуть Эдиля и везти его на Иссык-Куль домой (как подобает по мусульманским обычаям). Еле нашли в разгромленном городе, на Аламединском рынке контейнер с коврами. Его хозяева понуро загружали в грузовик товар, спасая его от мародеров. Когда мы объяснили: зачем просим их продать один ковер нам, они сразу откликнулись и сочувственно качали головой, видя наши молчаливые лица. Я сейчас вспоминаю : мы, оказывается, почти не разговаривали друг с другом- комок в горле мешал говорить. Дальше мы поехали в бюро ритуальных услуг «Радамант». Когда мы к нему подъехали, пошел ливень. Никогда не думала, что буду так рада тому, что именно это бюро оказалось открытым (все здания были закрыты или разбиты), да еще и венки Никите и Эдилю смогли найти. Подождав, пока подпишут черные ленты для венков ребят, мы двинулись назад в Академию. Там нас ждали офицеры, которые должны были выехать с телом Эдиля и его бишкекскими тетей и дядей в его село. Когда мы проезжали через улицу Правды, то видели как пьяная толпа с ломами и железными прутьями шла к зданию УВД. А там были наши курсанты 2 курса! Им был отдан приказ: не поддаваться на провокации и бежать из здания, смешавшись

с толпой, в случае нападения. Начальник факультета кричал кому-то в трубку, отдав этот приказ: « Пусть меня увольняют за этот приказ, но все курсанты должны быть живы и здоровы!» Приехав в Академию, мы сдали привезенное руководству, в коридорах было почти пусто. Я поехала домой, уже было очень темно.

На похоронах Никиты было много народу. С больницы пришли проводить его в последний путь одноклассники- кто на костылях, кто хромал, опираясь на плечо друзей. Мы привезли форму Никите : так положено по воинским обычаям- положить в гроб форму. Эта форма была не его, мы ее взяли на складе. Ту форму, в которой он был в последние минуты жизни, я не видела. Да и не могли же мы ее положить : она была вся в крови и разорвана. Когда мы передали пакет с канцеляркой и фуражкой его маме-Лидии Юрьевне, она разрыдалась и сказала, что эта форма его убила.

На кладбище после того как похоронили Никиту, ко мне подошел раненый курсант, отпросившийся из больницы попрощаться с другом. Он просил нас срочно перевести их именно сегодня до наступления ночи из больницы на Фучика в поликлинику МВД. Причину он не указал, но глаза молили: «Помогите, заберите нас!». Курсанты никогда не жалуются, не капризничают и, если они попросили срочно забрать их, значит, на то были веские основания. Мы забили тревогу. Начальник факультета, его заместитель по воспитательной части и я после долгих переговоров с начальством поликлиники МВД смогли выбить им места (их отказ был понятен, палаты и коридоры были забиты ранеными). Договорились поместить раненых курсантов с Фучика в палатах с другими нашими курсантами уже находящимися в Поликлинике МВД, кушетки должны были поставить на проходах. Ночью с медперсоналом «Скорой помощи» Поликлиники МВД мы перевезли их в нашу «милицейскую» и без того переполненную больницу, но там было безопасно. Навещали мы курсантов и в других больницах, пытаюсь проглотить горький ком в горле, подбадривали их. Для нас это были наши дети! В четвертой горбольнице было много раненых. Когда мы к ним заходили, они рассказывали, что им сказали и назначили их лечащие врачи.

В одном отделении в этой же больнице мы увидели одного нашего курсанта, который сидел в инвалидной коляске один в темном коридоре. У меня защемило в сердце. Когда мы с замначальника факультета по воспитательной работе стали спрашивать, почему он один сидит в холодном фойе. Он ответил, что не может сидеть в одной палате с теми, которые хвастливо кичатся друг перед другом, как они пинали в лицо « ментов» и стягивали берцы с истекающих кровью курсантов.

Мы стали думать куда бы его перевести в безопасное место, а он нам говорит : «Не переживайте за меня, я буду среди них сидеть и собирать информацию!» Мы рассмеялись впервые за эти дни! Бог ты мой, сам еле живой в инвалидной коляске, а еще проводит оперативную работу в палате! (потом, когда он снова стал ходить на занятия, и когда я его видела, еще больше гордилась нашими курсантами !).

В первые дни, когда все «обливали грязью» милицию и помощи ждать было неоткуда, все сотрудники Академии и курсанты добровольно собирали раненым деньги, возили продукты, лекарства. Родители курсантов младших курсов навещали ребят, помогая им и материально и морально. Глядя на все это было и радостно, что мы, как единая семья все вместе, но также было и грустно. За что мы стали изгоями? За что в людном месте повесили табличку: «Милиция – убийцы!». Ведь у наших офицеров и курсантов не было оружия, и стояли наши на площади потому, что выполняли свой служебный долг. Давая Присягу, мы клянемся: «...торжественно клянусь, ...добросовестно исполнять служебный долг!». Мы простые солдаты, которые выполняют приказ. Статья Надежды Хохловой «Изгои» в пятничном номере «Вечернего Бишкека» за 23 апреля 2010 года стала как глоток воздуха задыхающемуся, она дала маленький луч надежды. С курсантами мы читали статью на занятиях, и они радовались: «Правильно! Наконец-то нас защищают. Мы не враги своему народу!».

У меня лично после апрельских событий как будто все выгорело после сильного пожара. Внутри было ощущение горечи, какая-то черная квадратная боль не давала дышать. Придя с работы, я легла, и, глядя в стену, молча плакала. Плакала за моих курсантов, за моих коллег, за всю милицию, которую морально и физически раздавили. «Родина, нужны ли мы тебе?»- отчаянно спрашивала я у тишины. Вести о том, что в поддержку раненых милиционеров присылаются рисунки детей со всей республики, давали нам радостные чувства, что мы все-таки кому-то нужны.

Время идет, оно еще и лечит. Постепенно милиционеры снова почувствовали себя людьми, частью общества. Мы снова надели форму...

Наши выписавшиеся из больниц курсанты 4- курса, снова сели за парты. Снова научились улыбаться, а мы, делая строгий вид, не могли поставить им двойку, потому что мы знали медицинское заключение каждого, видели их забинтованные переломы, общались с их родителями. Одним словом, **мы выжили вместе** в это непростое время для милиции!

Сейчас наши «апрельские» курсанты уже выпустились, работают. И хочется

верить, что у них затянулись не только телесные раны, но и душевные. Мы слышали, что некоторые из них уже женились, что потихоньку их жизнь налаживается.

Теперь у меня на душе, как после майских дождей, на пепелище выросли маленькие зеленые ростки надежды. Надежды, что будущее у нашей милиции и у нашей Родины всё -таки есть!

... Я посвящаю эти строки памяти Никиты и Эдиля. Говорят, что человек жив до тех пор, пока он жив в сердцах, в памяти людей, которые его любят, значит, Никита и Эдиль будут жить вечно...

